(cc) BY

Гасанов Эльнур Лятиф оглу
канд. ист. наук, главный специалист
Президиум Гянджинского отделения
Национальной академии наук Азербайджана
г. Гянджа, Азербайджанская Республика

О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЗНАЧЕНИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация*: в разрезе социально-экономического подхода к определению места и роли интеллигенции и ее взаимодействия с органами власти зачастую рассматривается только один пункт, в которой интеллигенция определяется как наиболее прогрессивный слой общества и при этом притесняемый властью за прогрессивные взгляды. Данная позиция широко распространена не только в исследованиях философов, но также и социологов, политологов, экономистов. Вместе с тем властные структуры всегда рассматривают прогресс как основу для общественной модернизации без возможности причинения вреда. Таким образом, необходим поиск между стремлением общества к прогрессу и поиску оптимальных условий сосуществования между властью и интеллигенцией. Новизна работы определяется тем, что историческое основание взаимодействия между органами власти и интеллигенцией следует рассматривать не только в исторической перспективе, но также и на основе экономического подхода или антропологического. Следует выявить то, насколько подобные взаимоотношения определяют возможность развития общества и насколько коррелируют с общественными интересами. Автором статьи не рассматриваются аспекты экономического характера стимулирования интеллигенции, а определяется ее роль в позитивном развитии социально-экономического характера в обществе. Практическая значимость исследования определяется возможностью формирования программ общественного развития на основе философских дискуссий и определения места и роли интеллигенции в общественном развитии.*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Ключевые слова: *интеллигенция, общество, развитие, структура, власть.*

Введение.

Интеллигенция как специфическое социальное явление призвана выполнять сознательную и инициативную роль в разработке, сохранении и передаче национальных ценностей и традиций. Однако смена поколений интеллигенции в контексте социокультурных трансформаций порождает новые научные дискуссии и мифы вокруг этой проблемы. На определение основных черт интеллигенции влияют исторические, культурные, национальные и др. факторы, которые и обусловливают вариативность смыслового наполнения понятия «интеллигенция», определение ее места в структуре общества и социальной роли и функций [19, с. 234]. Любое дискуссионное обсуждение, особенно если оно имеет научный статус, должно начинаться с четкого определения понятий, содержания которого придерживаются все участники. Иначе истина в таких дискуссиях вопреки не родится [8, с. 48–51]. Таково требование логического закона тождества. Поскольку непосредственным участникам обсуждения сложно согласиться с определениями своих коллег, ведь всегда есть непреодолимое желание хотя бы с чем-то не согласиться, сошлемся на авторитет выдающихся мыслителей, на учениях которых все ученые сформировались в таком качестве [1, с. 89–92].

Интеллигенция является объектом философских, исторических, социологических, этических научных исследований [11, с. 32–34]. Духовными, моральными, культурными и т. п. качествами интеллигенцию наделяли М. Бердяев, М. Добрускин, И. Кальной, Д. Лихачев, О. Лосев, И. Лосский, Н. Маликова. Как уникальное социальное явление, социальный феномен интеллигенцию исследовали А. Бычко, И. Бычко, П. Милюков, И. Осинский, П. Уваров, П. Саух, Ю. Саух, В. Слесарь. Гражданскую позицию и социальную роль интеллигенции в революционный период анализировали С. Булгаков, Б. Кистяковский, П. Струве, С. Франк. Однако, несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных интеллигенции, вариативности содержания этого понятия, ее социальной роли и назначения, все же открытым остается вопрос

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

идентификации интеллигенции в социальной структуре общества, ее дифференциации как специфического и исключительного социального явления [6, с. 282–286; 17, с. 243; 18, с. 281–286].

Поэтому целью нашей статьи является анализ понятия «интеллигенция» в предметном поле социальной философии и определение ее места в общественном развитии [5, с. 470–471].

Значительное распространение и дифференциация коннотаций «интеллигенция» произошло в немецкой философии конца XVIII – начала XIX века. Так, И. Фихте в своей работе «Науковедением» отождествляет интеллигенцию со свободно мыслящим человеком, который с помощью интеллекта и конструктивного мышления «творит» материальный мир. Г. Гегель интеллигенцию толкует как теоретическое мышление субъективного духа – теоретический дух [10, с. 94–98]. И. Фихте исходил из того, что философ, абстрагируясь в процессе мышления от опыта восприятия объектов, формирует свое сознание как интеллигенцию. Если она направлена на вещи, тогда это форма материализма, либо же догматизма, поскольку она, а не человек как субъект, определяет ее содержание. Поскольку конференция обсуждает интеллигенцию как общественную прослойку, то философское видение понятия интеллигенция относится к той категории людей, которые выходят из субъект-объектного единства [12, с. 52–53; 16, с. 94–97].

То есть интеллигенция – это тот слой общества, который самого себя делает объектом как познания/самопознания, так и субъектом преобразующей жизнедеятельности в соответствии с теми сущностными измерениями, которые составляют содержание их индивидуально-родового призвания. Ведь человек – общественное существо, всегда принадлежащее к определенному виду народного сообщества [13, с. 120; 14, с. 321–327].

Чтобы быть причастным к народу, следует иметь интеллигенцию как внутреннее состояние души, как дух необходимой жизнедеятельности. Это делает понятным вместе с тем то чувство необходимости, которое сопровождает определенные представления: интеллигенция испытывает в них какое-либо влияние

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

извне, но она чувствует в этом деянии пределы своего собственного бытия. Отсюда не совсем корректно определять интеллигенцию как слой людей, занятых умственным трудом. Знания, не поднятые до глубин внутреннего душевного состояния, не делают человека интеллигентным, привлекательным для других примером должного поведения [2, с. 144–147]. Более расширенное определение становления духа объективной интеллигенции имеем в диалектической системе Гегеля, в его «Науке логики». Когда он утверждает, что абсолютная идея решает отпустить себя в природу, в жизнь, это означает, что дух познания в человеке начинает определять способ ее жизнедеятельности как разумно-волевой, а не аффективный. Он подчеркивал, что способ бытия сознания – это знания.

Материалы и методы исследования.

Интеллигенция познает объект и превращает субъективное знание («знание о сознании») в объективное, тем самым обеспечивая познание истины и конкретное знание об объекте. Ф. Шеллинг в работе «Система трансцендентального идеализма» также отводит интеллекту ведущую роль в создании объективной реальности. Однако интеллигенция по Шеллингу – это и духовный процесс, что вместе с логическим актом создает предметы и формы сознания. Несмотря на некоторые различия в характеристике интеллигенции немецких ученых-философов, все же можно выделить и общие черты: интеллектуальность и духовность. Интеллигенция возникает как интеллект, так и субъект, созерцающий, познающий и творящий объективную реальность, материальный мир. Таким образом, представители интеллектуальных профессий в то время значительно повышали свою социальную роль в обществе благодаря мысленной деятельности. Однако интеллектуалы – распространенное явление, наполняющее понятие интеллигенция неоднозначным и противоречивым содержанием [9, с. 224; 15, с. 468–469].

К. Маркс и Ф. Энгельс несколько конкретизировали значение понятия «интеллигенция», которое лишается идеализма Просвещения и приобретает объективность. Интеллигенцию они «одарили» такими характерными признаками как образованность, умственный труд, распространение научных знаний и

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

культуры. К. Маркс считал, что именно социальное положение определенного слоя людей формирует социальные интересы. Послереволюционные Франция и Германия середины XIX в. охарактеризовались разделением общества на классы и, соответственно, раздроблением тогдашней интеллигенции. Каждый класс общества имел «свою интеллигенцию», которая представляла его интересы. Во второй половине XIX в. классовая борьба углубилась, численность производственной интеллигенции возросла, она стала политактивной. Поэтому интеллигенцию в научных кругах все чаще стали отождествлять с работниками умственного труда [3, с. 17–19].

В это же время значительной популяризации понятия «интеллигенция» приобретает и в Российской империи. Так, писатель П. Боборыкин в своих произведениях через художественные образы охарактеризовал реальные типы тогдашней интеллигенции: «салонная интеллигенция», которая работала в «высшем свете» за «материальные подачки и продовольствие», а также интеллигенция, которая противопоставляла собственные интересы правящей идеологии. Писатель рисует образы интеллигентов, которые готовы пожертвовать материальными благами, променять собственные меркантильные интересы на высокие благородные идеи.

Примерно в этот период начинаются длительные дискуссии относительно идентификации и социального назначения интеллигенции. Одно из ключевых мест среди научных исследований об интеллигенции занимают научные труды в сборнике статей «Вехи». Выход труда вызвал бурную неоднозначную реакцию в ученых кругах, связанную с критикой авторами «Вех» революционной интеллигенции 1905. М. Бердяев, один из составителей «Вех», в своей статье «Философская истина и интеллигентская правда» поднял проблему русской псевдоинтеллигенции и истинной. Так, автор пишет о книголюбах, философах-аскетах и противопоставляет им «интеллигентщину» – провластную, инертную и консервативную. М. Бердяев указывает на проблему познания истины, на ее несовместимость со служением и представлением интересов общественных классов, в частности «низов» общества. Философ подчеркивает, что любовь к

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

народному благу парализовала любовь к истине. Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Почему автор поднимает проблему знания философии среди русских интеллигентов? Потому что философия способствует осознанию и отражению человеческого духа. М. Бердяев в своей статье жажду познания философской истины относит к духовным ценностям [20, с. 501–503].

П. Струве в статье до «Вех» «Интеллигенция и революция» указывает на ее неприятии общественных ценностей и сопротивление политической власти. В частности, автор отмечал, что в интеллигенции можно различать постоянный элемент – твердую форму, и элемент более изменчивый – содержание. Идейной формой русской интеллигенции является ее отчуждение от государства и враждебность к ней. Вместе с тем, самоотречение интеллигенции, служение народу лишало нравственного и воспитательного значения ее деятельности. П. Струве подчеркивал необходимость работы над культурой, однако для этого нужна творческая борьба идей.

С. Франк в своей работе к сборнику «Этика нигилизма» поднимает проблему морали и ценностей российской интеллигенции. Автор характеризует ее умонастроение как морализм, который отражает нигилизм интеллигенции. В свою очередь, нигилизм С. Франк трактует как отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей. Автор наблюдает формирование и разложение традиционного интеллигентского духа. Любые исторические изменения в обществе приводят к переориентации ценностей и их трансформации. Соответственно, революционные события 1905. в России повлекли переосмысление ее ценностей и овладение новыми. С. Франк подчеркивает, что ближайший и важнейший путь к народному благу исходит из веры в борьбу, уничтожение врага, насильственное и механическое разрушение старых социальных форм сами собой обеспечивают осуществление общественного идеала. Если воспринимать проблему человеческой культуры как механическую, то и здесь оста-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

нутся только две задачи – разрушение старых вредных форм и перераспределение элементов, установление новых, полезных из них комбинаций.

В общем, авторы «Вех» исследовали мировоззрение и социальную роль русской интеллигенции в конкретный исторический – революционный период. Так, веховцы указывают на нехватку духовности, морали, гражданской позиции, отказ от абсолютных ценностей русской интеллигенции в период трансформации общества. Однако нельзя утверждать об однозначном провале интеллигенции в русской революции 1905 г.

На рубеже XX–XXI вв. у интеллектуалов возникает интерес к власти, вызванный демократическими общественными изменениями. Как результат, возникает много политических партий, где та же интеллектуальная элита стремится реализовать свои идеи и убеждения. Однако, власть и популяризованные в 90-х гг. XX ст. материальные блага вытеснили роль духовности и национальной культуры в общественном развитии на второй план, а следовательно, и саму интеллигенцию от принятия политических решений. На переосмысление ценностей значительное влияние оказали и тенденции развития Запада. Ликвидаторы остатков «перестройки» в приоритетные выделили именно материальные ценности. Вполне закономерно, что, начиная с конца XX в. и до настоящего времени, ведутся научные споры по идентификации интеллигенции как реального или уже мифологизированного социального явления [7, с. 331–332].

В научном обращении не существует единого и общепринятого определения понятия «интеллигенция». Современные тенденции развития общества только углубили скептическое восприятие этого социального явления. Стремительный научный и технический прогресс, динамический ход общественной и частной жизни приводят к общественным метаморфозам и изменениям мировосприятия, переосмыслению и переориентации ценностей. Интеллектуальная элита и работники «умственных» профессий обслуживают все сферы жизнедеятельности социума. Часто прогнозируемые интеллигенцией тенденции развития общества, гармоничное сосуществование и функционирование всех его сфер не воспринимаются элитарной верхушкой, которая критически относится к наци-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ональным, духовным, моральным, этическим и тому подобным идеям интеллигенции. Однако нельзя однозначно утверждать, что интеллигенция исчерпала на сегодня свое историческое и социальное назначение. Каждая историческая эпоха наносит свой отпечаток на определении этого социального явления, а XXI века – тем более когда меняется самосознание человечества, своих возможностей и своего назначения в мире [4, с. 309–310].

Заключение.

Таким образом, наиболее уместно, по нашему мнению, определить интеллигенцию как социальный феномен в структуре общества. Интеллигенции не присущ признак массовости, поэтому однозначно выделить ее как социальную группу или прослойку нельзя. Однако мы можем выделить в социальной группе или прослойке интеллигенцию, ведь ей присущи образованность, профессионализм, социальная компетентность, активная гражданская позиция, распространение национальных культурных ценностей и традиций подобное. Но в таком случае интеллигенция лишается исключительности и уникальности как социальное явление. Присущие ей черты высокого уровня культуры и ответственности за ее состояние, сохранение национальных духовно-нравственных, культурных ценностей и исторической памяти народа характеризуют интеллигенцию как социальный феномен. Гармоничное сочетание рационального и чувственного позволяет ей выступать «проводником» национальной традиции между поколениями, в периоды социальных трансформаций. Дальнейшие исследования темы, на наш взгляд, следует вести в контексте изучения современной интеллигенции, ее социальных функций и места в структуре общества.

Средством обеспечения устойчивого развития должно стать сначала концепция «достойный труд – достойная оплата» с последующим достижением основной цели – счастье работы и постоянная ориентация на общественное совершенствование. Для того чтобы все это стало реалиями жизни народа необходимо, чтобы сегодняшняя схема взаимодействия в виде: человек – сообщество – интеллигенция и образование, как проявление состояния общества, была заменена схемой в виде: личность – общество знаний интеллигентного типа –

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

интеллект нации и образование как проявление интеллектуального потенциала нации.

Это как раз и вытекает из модели кругооборота знаний в обществе, где производство рассматривается как отрасль человеческой деятельности на получение материальных благ, которые полностью соответствуют уровню знаний интеллигенции и власти. То есть от уровня креативности мышления представителей интеллигенции, занятой в процессе производства, и представителей власти, которые обучаются такому мышлению в учебных заведениях. Откуда вытекает, что идея креативности, идея учиться мыслить должна объединить и пронизывать все учебные программы от дошкольного возраста, от программ в средней школе, по программам высшего образования к образованию на протяжении всей жизни человека. Это, на наш взгляд, и должно стать основной идеей реформирования образования.

Список литературы

1. Abramov R. 2016. Understanding professionalism in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: an analytical review // The American Sociologist. – №47 (1). – P. 81–101. URL: https://doi.org/10.1007/s12108-015-9294-5

2. Berryman J. 2019. A comparison of the German and Russian literary intelligentsia in Arnold Hauser’s Social History of Art // Studies in East European Thought. – №71(2). – P. 141–155. URL: https://doi.org/10.1007/s11212-019-09327-4

3. Bryson J.J. 2018. Patiency is not a virtue: the design of intelligent systems and systems of ethics // Ethics and Information Technology. – №20 (1). – P. 15–26. URL: https://doi.org/10.1007/s10676-018-9448-6

4. Dmitriev T. 2017. Max Weber and Peter Struve on the Russian Revolution // Studies in East European Thought. – №69 (4). – P. 305–328. URL: https://doi.org/10.1007/s11212-017-9294-9

5. Epstein A., Kheimets N. 2000. Immigrant intelligentsia and its second generation: Cultural segregation as a road to social integration? // Journal of International

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Migration and Integration / Revue de l'integration et de La Migration Internationale. – №1(4). – P. 461–476. URL: https://doi.org/10.1007/s12134-000-1025–1

6. Gaines B.R. 1997. Knowledge management in societies of intelligent adaptive agents // Journal of Intelligent Information Systems. – №9 (3). – P. 277–298. URL: https://doi.org/10.1023/A:1008658220563

7. Glazov Y. 1979. The Soviet intelligentsia, dissidents and the West // Studies in Soviet Thought. – №19 (4). – P. 321–344. URL: https://doi.org/10.1007/BF00832020

8. Hirose L.M. 1995. Organisational spaces and intelligent machines: A metaphorical approach to ethics. AI & SOCIETY. – №9 (1). – P. 43–56. URL: https://doi.org/10.1007/BF01174478

9. Horujy S.S. 2018. The ethical catastrophe of contemporary Russia and its foresights in Russian thought // Studies in East European Thought. – №70 (4). – P. 221–234. URL: https://doi.org/10.1007/s11212-018-9311-7

10. Kennedy D. 2014. The hermeneutic of suspicion in contemporary American legal thought // Law and Critique. – №25 (2). – P. 91–139. URL: https://doi.org/10.1007/s10978-014-9136-6

11. Kennedy M.D. 1992. The intelligentsia in the constitution of civil societies and post-communist regimes in Hungary and Poland // Theory and Society. – №21 (1). – P. 29–76. URL: https://doi.org/10.1007/BF00993462

12. Kijima K. 2001. Why stratification of networks emerges in innovative society: intelligent poly-agent systems approach // Computational & Mathematical Organization Theory. – №7 (1). – P. 45–62. URL: https://doi.org/10.1023/A:1011377532016

13. Loogma K., Ümarik, M., Sirk M., Liivik R. 2019. How history matters: The emergence and persistence of structural conflict between academic and vocational education: The case of post-Soviet Estonia // Journal of Educational Change. – №20 (1). – P. 105–135. URL: https://doi.org/10.1007/s10833-018-09336-w

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

14. Malyankar R.M., Findler N.V. 1998. A methodology for modeling coordination in intelligent agent societies // Computational & Mathematical Organization Theory. – №4 (4). P. 317–345. URL: https://doi.org/10.1023/A:1009634413228

15. Martin D. 2014. Secularization: an international debate from a British perspective. Society. – №51 (5). – P. 464–471. URL: https://doi.org/10.1007/s12115-014-9812-z

16. Ostrovsky M.A. 2017. It is time to think «physiologically». Herald of the Russian Academy of Sciences. – №87 (1). – P. 93–99. URL: https://doi.org/10.1134/S1019331617010105

17. Oushakine S.A. 2009. Introduction: wither the intelligentsia: the end of the moral elite in Eastern Europe. Studies in East European Thought. – №61 (4). – P. 243. URL: https://doi.org/10.1007/s11212-009-9093-z

18. Shalin D.N. 2017. Extended mind and embodied social psychology: contemporary perspectives. Society. – №54 (3). – P. 279–290. URL: https://doi.org/10.1007/s12115-017-0135-8

19. Vinogradova V.A. 2009. Intellectuals and intelligentsia in the pages of library periodicals. Scientific and Technical Information Processing. – №36 (4). – P. 234. URL: https://doi.org/10.3103/S0147688209040078

20. Zysiak A. 2019. Hysteresis, academic biography, and political field in the People’s Republic of Poland // Theory and Society. – №48 (3). – P. 483–508. URL: https://doi.org/10.1007/s11186-019-09349-1

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)